

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ ЯЗЫК И ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ X-XIV ВВ.

Глашев Ахмед Алабиевич

Аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова

a.glashev@mail.ru

KARACHAY-BALKAR LANGUAGE AND TURKIC WRITTEN MONUMENTS OF X-XIV CENTURES

A. Glashev

Summary: The present article deals with the problem of exact translation of old Turkic written monuments of the X - XIV centuries, clarification of existing translations of these monuments by using the resources of the Karachay-Balkar language, especially its Upper Balkaria (Malqar) dialect, which has preserved more archaic, ancient Turkic features. The author gives the example of a critical analysis of the translations of Codex Cumanicus. According to the author, the Karachay-Balkar language has close relation to these monuments and use of Karachay-Balkar language helps to clarify the translation of the above said written monuments. This is possible not only due to preservation of ancient Turkic features in the vocabulary and grammar of the Karachay-Balkar language, but also due to the information in folklore texts and all these things may contribute to the study of the above said monuments. Using the example of the riddle from the Codex Cumanicus, the author examines the errors contained in the translations known to science and offers an updated version of the translation using the materials of the Karachay-Balkar language and folklore.

Keywords: turkic-language Written Monuments of the X - XIV centuries, Karachay-Balkar Language, Kipchak, Oghuz and Uighur Languages.

Аннотация: В статье рассматривается проблема исследования и точного перевода тюркоязычных памятников X – XIV вв. на кыпчакских, уйгурском и других тюркских языках, уточнения существующих переводов этих памятников посредством привлечения ресурсов карачаево-балкарского языка, особенно его верхне-балкарского диалекта, сохранившего больше архаичных, древнетюркских черт. Автор проводит пример критического анализа известных переводов Codex Cumanicus. По мнению автора, карачаево-балкарский язык имеет много параллелей с этими памятниками, ввиду не только сохранения древнетюркских черт в лексике и грамматике карачаево-балкарского языка, но и в фольклорных текстах, что может внести значительный вклад в их изучение. На примере загадки из Codex Cumanicus автор рассматривает ошибки, содержащиеся в известных науке переводах, и предлагает уточненный вариант перевода, используя материалы карачаево-балкарского языка и фольклора.

Ключевые слова: тюркоязычные письменные памятники X – XIV вв., карачаево-балкарский язык, кыпчакский, огузский и уйгурский языки.

Перевод тюркоязычных письменных памятников X – XIV вв. созданных на кыпчакских, огузских диалектах и на древнеуйгурском языке все еще нуждается в уточнении. Это связано, прежде всего с тем, что не достаточно широкое использование при их переводе ресурсов таких языков, как карачаево-балкарский и караимский, приводят многих авторов к значительным конъектурам оригинального текста той или иной рукописи. Часто перевод этих памятников представляет определенную трудность и мы видим даже значительно отличающиеся переводы тех или иных мест соответствующего памятника, например таких, как Īrq Bitik («Древнетюркская гадательная книга» или «Книга знамений»), Codex Cumanicus, письменные памятники Мамлюкского Египта, дипломатические и юридические документы Золотой Орды XIII – XIV вв. и др. Для изучения истории современных тюркских языков также большое значение имеют кыпчакские письменные памятники Мамлюкского Египта XIII – XVI вв., письменные памятники Золотой Орды XIII – XIV вв. Они написаны на различных диалектах как кыпчакского, так и огузского языков, ча-

сто с заметным влиянием уйгурского языка и смешанного языка Караханидского каганата. Особую ценность здесь представляют золотоордынские дипломатические и юридические документы, кыпчакский язык которых сохранился в большей чистоте, чем язык литературных памятников. Этот язык дипломатических и юридических документов обнаруживает наибольшую близость к современному карачаево-балкарскому языку, как и язык Codex Cumanicus.

Особо следует сказать о памятниках на древнеуйгурском языке, таких, как «Древнетюркская гадательная книга» (Īrq Bitik), юридические и хозяйственные документы уйгурского каганата, переводы буддийских религиозных и медицинских трактатов на древнеуйгурский язык VIII – XIII вв. Эти документы в целом стоят дальше от карачаево-балкарского языка, чем такие памятники, как Codex Cumanicus. Однако во многих случаях, особенно если говорить о лексике, мы обнаруживаем близость между языком этих уйгурских памятников и находим лексику, уже утраченную в других современных тюркских языках,

включая даже современный уйгурский язык, либо утрачившую свое древнее значение, при сохранении этого значения в карачаево-балкарском языке. В этом плане живой карачаево-балкарский язык, может быть, иметь значение при исследовании древнетюркских письменных памятников на уйгурском языке.

Из перечисленных памятников одним из самых интересных является Codex Cumanicus, который считается не только древнейшим источником кыпчакского (половецкого) языка, но и крупнейшим памятником тюркской культуры и тюркских языков, который в настоящее время хранится в библиотеке собора св. Марка в Венеции (Cod. Mar. Lat. DXLIX). Первое упоминание и краткое описание Codex Cumanicus содержится в каталоге рукописей Венецианской библиотеки Якоба Томасини (Jacobi Philippi Tomasini), в разделе, посвященном перечню книг и рукописей, подаренных в 1362 г. этой библиотеке Франческо Петраркой: «Alfabetum persicum, comanicum et latinum Anonymi scriptum scriptū anno MCCCIII die XI Julii (11 июля 1303)» [1, с. 12]. Codex Cumanicus представляет собой две рукописные тетрадки, позднее сшитые вместе, имеющих явно разное происхождение. Одна часть так называемая «итальянская» (л. 1-55 v.), вторая так называемая «немецкая» часть (л. 56-82 v.), всего 82 бумажных листа размером приблизительно 20×14 см, текст - на обеих сторонах листов. Рукопись состоит латинско-персидско-куманского словаря (итальянская часть) кумано-немецкого и немецко-латинского словаря, и различных текстов. На первой странице рукописи указана дата 11 июля 1303 (MCCCIII) года. В немецкой части содержатся также религиозные тексты (молитвы, проповеди, «Отче наш», «Десять заповедей», фрагменты из «Книги Притч Соломона», Евангелия и др.). В этой же части содержится один из самых ценных материалов - 47 половецких загадок, который является сегодня самым ранним сборником тюркских загадок. Обе части содержат информацию также по грамматике половецкого языка.

Многие ценные факты, содержащиеся в Codex Cumanicus, до сих пор не выявлены и не представлены широкой научной общественности. Во многом это объясняется тем, что даже тюркологи, которые занимались исследованием Codex Cumanicus являются практически все лингвистами, а историки и этнографы им не занимаются. Прошло более семисот лет с даты его написания, но и по сей день этот памятник представляет огромную ценность, так как именно он вместе с такими живыми тюркскими языками, как карачаево-балкарский, караимский, крымчакский и крымско-татарский, даёт нам возможность восстановить другие древние тюркские языки и значительно продвинуть вперед проблему точного перевода тюркоязычных памятников X – XIV вв. Назрела необходимость издания факсимиле с точной транслитерацией текста рукописи Codex Cumanicus без исправлений и конъектур, чем грешат в той или иной мере все из-

вестные работы по Codex Cumanicus.

На сегодняшний день скопилась довольно солидная литература, посвящённая исследованиям Codex Cumanicus. Первым солидным изданием такого рода считается капитальный труд венгерского востоковеда и тюрколога Г. Куна, который вышел в свет в 1880 году в Будапеште. Но еще до написания этой работы, в 1826 году вышла в свет работа немецкого ученого Юлиуса Клапрота «Notice sur un Dictionnaire persan, coman et latin, légué par Petrarque à la Republique de Venise» [10], а в 1828 году вышла его более обстоятельная работа «Vocabulaire latin, persan et coman de la bibliothèque de Francesco Petrarca» [11]. Эти публикации Юлиуса Клапрота имеют много ошибок. Но, именно после их появления Codex Cumanicus сразу привлек большое внимание исследователей и особенно тюркологов. В этом главная заслуга их автора. В 1884 году В.В. Радлов напечатал свою статью «О языке куманов», а уже в 1887 году вышла его обстоятельная работа на немецком языке «Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus» [5]. Ряд конъектур В.В. Радлова справедливо вызвал критику. Тем не менее нужно сказать, что он старался в своей работе меньше всего отходить от оригинала рукописи, подходил к изучению Codex Cumanicus с учетом фольклорных материалов, что мы и покажем в разборе соответствующей половецкой загадки ниже. Еще две значительные работы принадлежат датскому тюркологу Каре Гренбеку, который в 1936 году напечатал факсимиле Codex Cumanicus с кратким комментарием [12]. Факсимиле памятника в этом издании очень качественное и в свете того, что недавно реставраторы в Венеции повредили несколько страниц рукописи, на которых утрачена часть текста, это издание датского тюрколога становится не менее ценным, чем оригинал. В 1942 году Каре Гренбек напечатал на немецком языке полный словарь лексики Codex Cumanicus [13]. Указанные работы остаются основными, которыми пользуются исследователи при изучении Codex Cumanicus. Однако даже крупные тюркологи (Самойлович, Радлов, Бартольд, Малов, Банг и др.) недостаточно глубоко исследовали этот важный памятник, лишь кратко затронув те или аспекты, связанные с ним, а переводы, предложенные ими довольно спорны. Но следует сказать и том, работы некоторых тюркологов, более серьезно занимавшихся изучением этого памятника, также имеют ряд серьезных ошибок, которые, на наш взгляд, в значительной мере вызваны отсутствием привлечения материалов карачаево-балкарского языка и фольклора, а также материалов караимского языка, который среди тюркских языков стоит ближе всего к карачаево-балкарскому языку, если говорить о тракайском и галицко-луцком диалектах, а оба языка являются самыми близкими к Codex Cumanicus среди живых тюркских языков, естественно если мы говорим о «немецкой» части памятника. «Итальянская» часть памятника все же не может в полной мере считаться половецкой

(кыпчакской), ибо в ней чувствуется заметное влияние огузских диалектов. В этой связи нельзя не привести слова крупного советского тюрколога, исследователя кыпчакских, уйгурского и узбекского языков А.К. Боровкова: «Все более становится ясным то обстоятельство, что карачаево-балкарский язык – “мал золотник, да дорог”. ... Балкаро-карачаевский язык, “древнее” с точки зрения типологии, древнеписьменных мёртвых языков турецкой (тюркской – А.Г.) системы, о которых сохранились памятники письма; изучение карачаево-балкарского языка явится во многих случаях ключом для исследования древнеписьменных памятников» [2, с. 39, 50-51.]. В.В. Бартольд, в свою очередь, считал карачаево-балкарский язык, сформировавшимся в домонгольскую эпоху. Тем не менее, карачаево-балкарский язык до сих пор не стал «инструментом» для исследования Codex Cumanicus. В связи с этим уместно привести мнение Т.И. Грунина, который в своей работе по половецкому языку справедливо замечает: «...известный русский тюрколог В.В. Радлов считал, что язык мещеряков Поволжья наиболее близок к языку Codex'a, и в своей работе «О языке куманов» дал такую транскрипцию половецких слов, какая, по его мнению, должна точно отражать фонетику половецкого языка. Однако его транскрипция не нашла поддержки среди ученых России и Европы. Большинство тюркологов считало, что языки, наиболее близкие к половецкому, следует искать в Крыму и на Кавказе, где в свое время кочевали половцы...» [3, с. 90]. Более чем справедливое замечание по поводу географического распространения языков близких к половецкому языку. Говоря о карачаево-балкарском языке, нужно отметить, что для исследования письменных памятников X – XIV вв. особенно важны материалы верхне-балкарского, или малкъарского диалекта карачаево-балкарского языка (ВБД), который сохранил значительно большее количество древнетюркских черт, как в грамматике, так и в лексике, чем остальные диалекты карачаево-балкарского языка [4, с. 56-65]. Особенно это становится очевидным при исследовании Codex Cumanicus.

Приведем в качестве примера половецкую загадку из Codex Cumanicus: «burûsis buz teser. ol koy bogu» [1, с. 145]. Большинство авторов, переводя эту загадку не точно, также произвели недопустимую конъектуру в

слове **burûsis**, что стало причиной неточного перевода и транскрипции загадки. Так, А.Н. Гаркавец по сути повторил необоснованный перевод Банга в первом своём издании Codex Cumanicus: «Burunsiz buz teŝer. Ol, qoy boyu. Без носа – лёд сверлит (точит, протачивает). Это помёт овцы» [6, с. 17]. В издании 2019 года: «Burunsiz buz teŝer. Ol, qoy boyu. Без носа – лёд точит (протачивает, сверлит). Это помёт овцы» [9, с. 85]. А.Н. Гаркавец внес изменения в оригинальное написание не только слова **burûsis**, но и в слова **teser**, заменив их на *burunsiz* и *teŝer*, что не приемлемо следующим основаниям. Половецкое *teser* соответствует кар. *teser* в галицко-луцком диалекте и это не удивительно, так как вполне очевидно уже, что именно живой караимский язык (его галицко-луцкий и трокайский диалекты) являются самыми близкими к Codex Cumanicus языками, вопреки попыткам А.Н. Гаркавца поставить это мнение В.В. Радлова под сомнение и сблизить Codex Cumanicus в первую очередь с казахским. Но вернемся к ключевому слову этой загадки - *burûsis*. Это слово все исследователи, кроме В.В. Радлова, заменили на *burunsiz* (без носа), что странно, при том, что В.В. Радлов предложил совершенно правильное решение: «Буръсуз буз ташър. Ол кой боу. Ohne Bohrer macht es Löher in's Eis. Der Schafmist (Без сверла (бура) делает дырку во льду. Овечий помёт)» [5, с. 4]. Но и он произвёл необоснованную замену *teser* на *tăŝър*. Слово *Bohrer* в немецком имеет значения 'сверло', 'дрель', 'бур', 'бурав', 'буровой инструмент'. Диакритический знак \hat{u} в букве \hat{u} обозначает удвоение звука $-u \rightarrow -uu$, т.е. *буруу* (*бурӯ*), т.е. также, как в кар.-балк.: *буруу* 'сверло', 'бур', 'бурав'. Предположительно из тюркских языков это слово могло попасть в русский язык: тюрк. *буруу* > русск. *бурав*. Не удивительно, что в карачаево-балкарском фольклоре сохранилась эта половецкая загадка: «Буруусуз буз тешер. Кой кир (верх.-балк. *Къой бох* или *Ол къой богъуду* - А.Г.)» [10, с. 199]. Этот пример ярко показывает, что перевод Codex Cumanicus все еще нуждается в значительном уточнении и в ряде случаев в пересмотре ранее предложенных переводов с привлечением материалов наиболее близких у нему кыпчакских языков. Необходимо значительно расширить изучение указанного памятника, привлекая материалы карачаево-балкарского и караимского языков, а также фольклорные материалы тюркских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kuun G. Codex Cumanicus. Budapest, 1880.
2. Боровков А.К. Карачаево-балкарский язык // Яфетический сборник. VII. Л. 1932.
3. Грунин Т.И. Памятники половецкого языка XVI в. // Академику В.А. Гордлевскому. Сб. статей. М. 1953.
4. Глашев А.А. Верхне-балкарский (малкъарский) диалект карачаево-балкарского языка // Вопросы тюркской филологии. Материалы Дмитриевских чтений. Вып. XI. ИСАА при МГУ. М. 2016. С. 56-65.
5. Radloff W. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. Saint-Peterburg. 1887.
6. Гаркавец А.Н. Codex Cumanicus: Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII-XIV вв. М. 2006.

7. Карачаево-балкарско-русский словарь. Под ред. Э.Р. Тенишева. М.: «Русский язык», 1983.
8. Гаркавец А.Н. Codex Cumanicus: Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII-XIV вв. Алматы. 2019.
9. Карачаево-балкарские притчи и загадки. Сост. М.М. Ольмезов. Переводы с кар.-балк. Х.Ч. Джуртубаева. Нальчик. 2010.
10. Klaproth J. Notice sur un Dictionnaire persan, coman et latin, légué par Petrarque à la Republique de Venise // Journal Asiatique. 1826. t. 8. p. 114-117.
11. Klaproth J. Vocabulaire latin, persan et coman de la bibliothèque de Francesco Petrarca // Mémoires relatifs à l'Asie, contenant des recherches historiques et philologiques sur les peuples de l'Orient. Paris, 1828. t. 3. p. 122-254.
12. Grønbech K. Codex Cumanicus: Cod. Marc. Lat. DXLIX in Faksimile herausgegeben mit Einleitung von... Monumenta linguarum Asiae Maioris, edidit K. Grønbech. I. Kopenhagen: Levin and Munksgaard, 1936.
13. Grønbech K. Komanisches Wörterbuch: Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1942.

© Глашев Ахмед Алабиевич (a.glashev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова